

Василий Шулейкин

РАССКАЗЫ

ИГОРЁК, АРТЁМ И АЙКА

– Таким образом, в первой четверти наш класс стал лидером школы по количеству отличников, – Гульмира Абеновна, учитель второго класса, носящего литеру «А», с горделивым выражением и такой же осанкой – спина стрункой, грудь вперед, головка чуть набок – взяла паузу, обвела взглядом притихших родителей и объявила: – Переходим ко второму, сразу же скажу, неприятному вопросу. Суть дела такова...

...Игорек и Артемка в классе были самыми рослыми, причем сантиметр в сантиметр – то один, то другой по очереди на физкультуре стояли в строю правофланговыми – к тому же оба еще до школы по году тренировались в секции таэквондо. Имели успехи в соревнованиях районного и даже городского ранга. У обоих был третий по счету пояс – оранжевый.

Когда физрук школы узнал, что два первоклассника – «мастера» этого корейского боевого единоборства, выставил их на показательный спарринг в День учителя. Победил Артём Штырев, хотя даже неискушенные в тонкостях древнейшей на свете борьбы заметили, что Игорь Ли дрался техничнее, но деликатнее. Артём же молотил одноклассника без жалости. И в какой-то момент физрук просто остановил бой.

– Ну, Тёма, ты даёшь! – с обидой сказал однокласснику Игорёк. – У нас же были показательные выступления, а ты – со всей силы...

– Чё расхныкался? Папка говорит, вышел драться – бей со всей дури... – явно не желая разбора поединка, зло отрезал пацан.

– А нам тренер говорит, что таэквондо – это прежде всего духовная тренировка человека и эстетика проведения приёма.

– Чёёё? Какая стететика?

– Ну, чтобы красиво всё было. У нас один пацан, в прыжке – выше всех, но тренер его ругает за корявое положение рук. Поэтому его в Корею на соревнования не взяли – тренер говорит, корейцы ценят красоту движения.

– А ты чё, в Корею ездил?! – с нескрываемым восхищением, тут же перешедшим в зависть, произнес Артём. – Ты, давай, эта... я перейду в вашу секцию, к твоему тренеру, а то мне надоело в подвале тренироваться. Да и не ездим никуда, кроме Дворца школьников.

– Хорошо, скажу...

– Ну всё, Игорёха, теперь мы с тобой будем вместе тренироваться.

Дома Артём поведал отцу, что он – победитель.

– Я сначала смотрю, он меня на топлё чхаги хочет взять. Ухожу в защиту, делаю наджуди макте, а он тогда ап чхаги начал проводить, – сын, не сдерживая эмоции, выскочил на середину комнаты и стал в стойку; затем продемонстрировал круговой удар ногой по малой окружности; сменил положение тела и, слегка касаясь отца, показал толчок ногой. – Ага, пап... он не бьёт меня, а просто прикасается. Ну, я выждал моментик, и – твит чхаги: вот так, вот так, – Тёма с остервенением рубанул по дивану пяточкой, – вот так провёл. Он аж на колено упал. Физрук нам сразу объявил конец боя. И мне руку поднял.

– Молодчага, сынок! Еще раз меня порадовал. Ух, молодец! Помни: война должна быть жесткой – или мы их, или они нас. Получи тысячу тенге.

– Пап, а этот мой друг Игорёк в такой секции занимается, откуда потом они в Корею на соревнования ездят. Я, пап, туда хочу...

– Хочешь, значит сделаем!

– Ну чего ты заранее мальчишке обещаешь? – встряла в мужской разговор мама Артёма. – А если не получится?

– У кого не получится?! – вскипел папа. – Да я только тренеру покажу свой товар, он лично попросит Тёмку в ученики...

– Вот всё у тебя так, через подкуп, – тихо попыталась урезонить жена мужа.

– Не у меня – у всех нынче так! – сказал, как отрезал, мол, разговор завершен, Штырев старший.

– Ну что, Игорёк, ты сегодня показал класс таэквондо? – с порога спросил отец.

Игорь еще по дороге домой решил не рассказывать о своём поражении, раскусив: ни мамы, ни папы на празднике не было, значит, не узнают! Его родители работали в акимате, только в разных районах города, и временем своим не располагали, оттого и отдали сына учиться в частную, а не государственную школу, чтобы иметь максимум уверенности – есть кому воспитывать чадо во внеурочные часы.

– Да, папа, схватка прошла успешно, – ответил он и вдруг, сам не понимая почему, добавил: – Я победил!

– Ооо, сынок! Я горжусь тобой, с меня приз, – отец открыл бумажник и вытянул из недр лакированных кармашков пятитысячную купюру: – Держи!

Игорек взял деньги и застыдился: за что приз? За враньё? Лицо налилось кровью, ему сделалось жарко.

– Что такое? – едва глянув на сына, забеспокоилась мама. – У тебя температура? Ну-ка, быстренько в кровать... Сейчас я тебе чаю с малиной сделаю.

«...Да ничего они не узнают... Ну кто им расскажет?.. – мысли роились в мальчишечьей голове. Он разжал кулак, посмотрел на смятую пятерку... – Лучше бы не давал мне её папа...»

На подоконнике его комнаты стоял фарфоровый поросёнок с прорезью на спинке для опускания монеток или сложенных аккуратным образом бумажных денег. От наполнившей нутро мелкой монеты он давным-давно отяжелел. Такие копилки были и есть во многих семьях – пусть дети учатся экономить и считать денежки. Копить и считать, сколько еще осталось до возжеленной покупки, в

отличие от многих сверстников Игорю не приходилось – у него было всё, что желалось...

Однажды в магазине он увидел горько рыдающего мальчика, выпрашивающего у мамы машинку. А та тянула его к выходу и повторяла: «Отстань! Денег нет».

А ему ни мама, ни, тем более, папа так никогда не говорили. Да он и не выпрашивал игрушки, они сами приносили их: и на праздники, и просто так, особенно в День рождения и на Новый год. Наутро он долго разворачивал ярко упакованные коробочки, выживая из них красивые игрушки. Только машинок и самолетиков с вертолётками у него скопилось штук пятьдесят. А к первому классу у Игоря Ли имелись: планшет, ноутбук, часы с поисковой программой, смартфон... Ни у кого из пацанов в классе столько гаджетов не было. Жалко, что училка не разрешала приносить всё это в школу...

Недолго поразмышляв – бросать пять тысяч тенге в копилку или оставить деньги на... – на покупку чего? да не надо ему ничего!.. – Игорь решил: они пойдут с Артёмом в буфет, купят сладостей и там он расплатится за угощение для друга. И ещё, как папа в кафе, где они часто бывали, не улыбаясь, скажет буфетчице: «Сдачи не надо!».

Эта мысль утешила стыд, и Игорёк, с удовольствием выпив чаю с малиной, предался компьютерной игре. А что еще делать отличнику учебы, исполнившему все заданные уроки!

Совместные тренировки Игоря и Артёма день ото дня укрепляли дружбу.

Отец Тёмы без труда устроил сына в элитный спортклуб, нашёл-таки подход, аж к самому президенту Ассоциации таэквондо в Казахстане. Потом дома он с гордостью рассказывал про «покупку» места в элитной детско-юношеской секции. В эти минуты Тёма ощущал себя особенным – всеильным, как папа, и привилегированным, то есть таким, кому можно даже на красный свет перекресток проехать. А если полиция остановит, что-то достать из сумочки-барсетки, показать инспектору и ехать дальше. Он два раза видел, как довольно улыбающийся отец, нарушивший правила дорожного движения, возвращался от полицейского за руль. Да ещё приговаривал: «Менты нам не кенты, но и они икорку кушать любят!».

Во второй класс Игорь и Артём, как и все их одноклассники, пришли без той искрящейся радости, что одолевала их в самое первое из всех первых чисел сентября. Не было в повзрослевших за лето мальчишках и девчонках трепетности к школе и будущим успехам.

– Поздравляю вас с началом нового учебного года! – торжественно с улыбкой на всю ширину лица объявила Гульмира Абеновна.

Родители и дети жидко поаплодировали и притихли – особенной радости от предстоящих учебных забот ни старые, ни малые не испытывали. Теперь начнётся! – подъем пораньше; собираемся быстрее-быстрее, а то на развозку опоздаем – опять такси вызывать, сыночка-дочку лично провожать; ...а мы так в своё время примеры не решали, скажи завтра учительнице, что не понял-не поняла – пусть ещё раз с тобой позанимается; ...мне что нельзя в тик-токе посидеть, ну мам, ну пааап?..»

– А когда каникулы? – вдруг спросил Даурен Нургалиев, шустрый пацан, не умеющий спокойно высидеть урок и мгновенно выбегающий из класса, как только прозвонит звонок.

Его вопрос вызвал гомерический хохот у всех присутствующих.

– Потерпи, Дауренчик, мы ещё не начинали учёбу! – сквозь смех ответила классный руководитель. – Через два месяца подведём итоги первой четверти и целую неделю будете отдыхать. А пока завтра попрошу всех без опоздания прийти в школу. Учебники не забывать, принадлежности для кружковой работы будут храниться в классе...

Гульмира Абеневна перечислила все условия для учёбы.

– А теперь я вас познакомлю с новыми учениками, а заодно напомним о старожилках класса...

Сменившие облик ребята с удивлением смотрели друг на друга, подмечая особенно, кто кого перерос.

Игорь и Артём по-прежнему оставались самыми крепкими и высокими среди пацанов. Летом они усиленно тренировались. Съездили на соревнования в соседние страны – Кыргызстан и Узбекистан, оба были удостоены высоких спортивных наград: Игорь за лучшую чистую технику ведения схватки, Артём за самую быстро добытую победу.

Где-то в середине сентября к неразлучным пацанам на большой перемене подошла новенькая девчонка по имени Айя.

– Вы что, драчуны-боксеры? – с надменным вызовом спросила она.

– Таэквондо – это искусство и эстетика, а не какой-то там бокс, – фыркнул Игорёк.

Он сразу же заприметил эту девчонку – у неё были самые красивые банты в косах. И глаза... Какие-то не такие, как у других. И держала она себя, как будто бы старше всех была в классе. Короче, не понравилась! Так бы и оторвал её красивый бант, и с Тёмой, который стоял рядом с открытым ртом и с видимым удовольствием взирал на эту барышню, в футбол этим бантом поиграл.

– Ну ланна, посмотрим, какие вы спортсмены, – снисходительно произнесла Айя и неспешно отошла от ребят.

– Эээ, я не понял, чё этой крысе надо? – не спуская глаз с девчонки, спросил Тёма.

– Воображала! – вынес вердикт Игорь. – Ненавижу таких. Да ну её... Может, на продлёнке в буфет сходим, мне пахан денегат подкинул...

Айя Садыкова вышла на проходную школьного двора, в то время как основная масса учеников частной школы «Премииум» двинулась на посадку в школьные автобусы. Ей незачем было садиться в развозку по домам – за ней приезжал папин персональный автомобиль, с таким же персональным водителем. Большой, чёрный, блестящий лакировкой «Ланд Крузер» чуть слышно урчал мотором, сливающимся с жужжанием салонного климат-контроля. Девочка с надменным выражением лица не спеша направилась в сторону папиной машины. Немедленно ей навстречу выбежал дяденька в черном костюме, подхватил рюкзак с учебниками и услужливо распахнул дверь. Обычно Айя сходу плюхалась на заднее сиденье и включала кнопку регулировки под свою фигуру – чтобы езда была более комфортной. Но в этот раз она остановилась перед манящим входом и обернулась: спортсмены-драчуны, раскрыв рты, смотрели в её сторону. Девочка ухмыльнулась, задержала взгляд и тихо произнесла:

– Хочу ехать на переднем сиденье!

– Но... Папа сказал... – начал было оправдываться водитель...

– А я сказала: на переднем! – Айя нахмурила брови, и резко шагнула вперёд. Шофер едва успел отворить переднюю дверь, а затем некоторое время ждал, пока молодая хозяйка усядется на сиденье...

– Ты видел? – ошалело спросил Артём.

– Дааа, это, наверное, трёхсотый...

– А может, и четырёхсотый...

Игорь, который лучше разбирался в марках машин, тут же поправил товарища:

– Четырёхсотый ещё не выпустили!

Тёма молча продолжал смотреть вслед убывающей на таком чудесном автомобиле девочке с такими красивыми бантами, как ни у какой другой.

– Почему она на переднем сиденье ездит? Ей же еще нет 12 лет. Папа мне не разрешает, – размышлял Игорь.

– А мой меня иногда сажает вперед, только когда мама с нами не ездит...

– И что? Как же менты вас не останавливают?

– Иногда останавливают, но отец быстро разводит этот момент – даст им кое-что, и порядок.

...Нелля, старшая сестра Айи, сидела в проходной комнате у столика с косметикой и парфюмерией. Девчушка на цыпочках попыталась проскользнуть мимо, но...

– Стоять, маленькое чудовище! – резким тоном приказала Нелля. – Кто тебе разрешил пользоваться моей косметикой?

– Я только чуть-чуть глаза подвела... – робко прошептала сестрёнка.

Глаза её наполнились слезами, а нижняя губа начала подрагивать.

– Айка! – воскликнула Нелля. – Ну чего ты мне тут лапшу на уши вешаешь? И помадой моей ты красилась!

– Я только открыла крышечку...

– «Только открыла», – передразнила сестренку Нелля. – Следующий раз попроси маму купить тебе свою, детскую косметику – в «Мон Ами» такая продается, правда, стоит дороже, чем взрослая. Ладно, не выпячивай губу, расскажи лучше, как тебе в новой школе – ухажеры уже появились, а? Ты же у нас красавица-фото модель.

Айка и не подумала менять маску недовольства: вот так вечно... ни к чему не дают прикоснуться, всё только сами могут брать эти старшие сестры.

– Ну, Айёныш, не дуйся, на вот тебе остатки моей помады – хорошая, «Живанши». Но эту не трогай – не твой тон... Кстати, водитель ждёт меня?..

С того дня, как друзья пристальными взглядами проводили Айю в черный «Ланд Крузер», у них стало правилом по утрам не заходить в здание школы до тех пор, пока к воротам не подкатит эта лучшая на свете из всех машин. Пацаны, не сговариваясь, уверили себя: мы смотрим не на Айку, а на Крузак – блестящий, манящий, могучий, желанный каждым мужчиной на свете.

...Когда Айка впорхнула к ним за столик в буфете, ребята от неожиданности поперхнулись. А та, мгновенно овладев ситуацией, сходу затараторила.

– Что, спортсмены, пирожными объедаетесь, а девушку угостить мысль в голову не приходит?

Игорек дернулся с места.

– Сиди ровно, парень, – развязным тоном произнесла девчушка.

Ей казалось, что именно так должны разговаривать те, у кого крутые родители. В их доме всегда была прислуга, которую мама могла отругать и даже выгнать. Её папа был самым крутым, самым-самым... Потому что в его банк ходили министры. И на работу его возили на двух машинах с мигалками – синими и красными.

– Так эта, я хотел тебе купить тирамису...

– Я сладкого не ем, – манерно выдохнула Айя. – Не хочу быть вот такой, как этот... – она кивнула головой в сторону пухлого очкарика. – Как там его? Чёт я забыла...

– Слава Козлов, – услужливо подсказал Артём.

– Во-во – Коз-лов. К тому же – заика. А туда же, лезет с предложениями, – Айка передразнила заику: – «Ччем ппомочь, ччем ппомочь?».

Ребята усмехнулись.

– Да он вроде бы нормальный пацан, – вступился за одноклассника Игорь.

– Ага, нннормальный, – опять съязвила дерзкая девчужка. – А можете сделать так, чтобы он ко мне не приставал?

Игорь с Артёмом переглянулись и поняли: они готовы быть пажами для этой принцессы.

Тёма встал из-за столика и подошёл к Славе. Как будто невзначай столкнулся с ним. И тут же наехал:

– Эээ, ты чё?! Смотреть надо по сторонам...

– Это ты меня толкнул! – огрызнулся Слава.

– А ну-ка, а ну-ка! – услышав перебранку, вмешалась буфетчица. – Марш в класс! Давайте, давайте...

– Ну, Козлов! – зловеще прошипел Тёма. – Из-за тебя я не допил сок, ответишь...

До класса они шли вместе с Айей.

– Смотри какой! – распалилась та. – Сразу в крик пошёл. Я ж говорила, что он лошара. Надо его побуллить, потроллить...

– Эт чё? – не понял мало продвинутый в современном сленге Артём. – Попинать его, что ли?

– Ни в коем случае! – категорично заявила новоиспечённая предводительница компании. – Просто посмеемся над ним, подстроим разные штучки – потроллим...

Первый снег в Алматы всегда мокрый и липкий. Слякоти от него много, чавкает под ногами, пронзает холодной влагой обувь – бррр. Не нравится это ни взрослым, ни детям. Но вот его липкостью, способной вмиг становиться снежком, причём очень крепким и тяжелым, восторгаются все. И редко кому удаётся удержать себя – руки сами тянутся подхватить в пригоршни белоснежный покров, сжать его, округлить ладонями и запустить в... Да куда угодно: в ствол дерева, об стену дома, просто ввысь, но лучше в приятеля, подружку, в одноклассников.

Второй «А» резвился от души. Прогулка после четвертого урока превратилась в бои снежками без правил. Хотя когда и у кого были в этой зимней забаве правила? Условие одно – в лицо снежок не кидать. А вот снег, просто почерпнутый с земли, можно и за шиворот запустить.

Айя не участвовала в снежной забаве – стояла в сторонке от бегающих и визжащих одноклассников. На вопрос соседки по парте, почему она не со всеми, надменно протянула ей в лицо руку в лайковой перчатке:

– Ты мне предлагаешь вот этими ланвинами за сто долларов кидаться снегом?..

Одноклассница, фыркнув – подумаешь, воображала богатенькая! – убежала. Через секунду, ухмыльнувшись, мол эта дурочка, конечно же, не знает фирму «Lanvin», Айя медленно двинулась к ожесточённо бомбящим друг друга и всех, кто подвернётся, спортсменам.

– Сейчас я приведу вам Козлова... на расстрел, – заговорщицки предупредила она.

– Слава! Козлов! – звонко крикнула девчушка и развернулась в противоположную сторону.

Услыхав за спиной оклик, Козлов обернулся, стал сквозь запотевшие очки высматривать – кто его звал, и немедленно был атакован. Всего за одну секунду в него попали четыре снежка, причём один угодил в щеку. От неожиданности Слава дёрнул головой, и очки слетели с переносицы. Он нагнулся в поиске помощников глазам, и в этот миг Айка лично закинула ему за воротник пригоршню снега.

То, как извиваясь, подпрыгивая и чуть не плача, Козлов пытался избавиться от холодного таяния, ввергло троицу в неопикуемый восторг. Он бы пошел на обидчиков с кулаками, но ему прежде всего требовалось выудить из снега очки...

– Славик, почему у тебя куртка такая мокрая? – мама всплеснула руками. – Ты что, под дождь попал? Так его же не было... Ой, а грязная она почему?

Сын рассказал, что его сегодня на прогулке обстреляли снежками, а потом учительница сказала ему вывесить куртку на батарею в коридоре для просушки. А когда занятия закончились, его куртка почему-то оказалась лежащей на полу, и, кажется, по ней кто-то топтался. О том, что всё это сделали с ним одноклассники, паренёк не стал сообщать – он же не сдавала.

В следующий раз мама нашла в его рюкзаке холодный обледевший камень.

– Как он попал в твои учебники?! Зачем ты его положил в рюкзак?

Сын не знал ответа...

– Игорёк, – позвала на перемене Айка. – Что-то мы много времени теряем в очереди – отошли Козлова в буфет заранее, пусть подержит для нас столик.

Славик сторонился одноклассников – догадался, что его буллят. Более того, он стал бояться троицы: а вдруг таэквондисты побьют его – видел, как они умеют это делать и руками, и ногами. И поэтому смирился с их злыми шутками и приколами. Что ж, в буфет так в буфет, в очередь так в очередь. Иногда ему хотелось заплакать от обиды, но делать это в школе он не решался, чтобы окончательно не прослыть размазней. А дома сдерживался, чтобы не расстраивать маму и любимую бабулю. Он даже научился избавляться от того состояния, которое называется «комоч в горле». Оказывается, надо сразу же открыть рот и глубоко вдохнуть, потом – ещё дышать и думать о чём-то хорошем. Правда, и при этом слезинки иногда вытекали из глаз. Но за очками их не всякий мог увидеть...

После приема пирожных и соков Айка распорядилась:

– Пусть этот чмошник уберет за нами со столика!

– Так его же нет в буфете! – оглядевшись, сказал Игорёк.

– Ну, так позвони ему по телефону...

...Славик понуро подошёл к троице.

– А ты почему ушёл из буфета? – строго спросила Айка.

Слава молчал.

– Короче, в следующий раз будешь нас ждать и всегда убирать со стола посуду. А то... – Айка подняла руку на уровень лица одноклассника, раскрыла ладонь, а пальцы с коготками хищно согнула так, как это делают дикие кошки. – Понял?

Козлов часто-часто замигал веками и почувствовал: глаза наполняются слезами. Он опустил голову пониже, что и было воспринято троицей как безоговорочное согласие...

Первой в семье Козловых забила тревогу бабушка:

– Что-то со Славиком происходит, вы не замечаете? Он какой-то поникший... Мне кажется, у него в школе не всё в порядке – почему-то перестал рассказывать про одноклассников...

Вечером бабуля лично вышла навстречу внуку – беспокойное сердце подсказало: надо его разговорить.

Славик буквально вылетел из школьного автобуса, притормозившего у дома и, не оглядываясь, быстрым шагом направился во двор.

– Эй-ей-ей! Ты куда мимо бабушки родной?

Паренек остановился, указательным пальцем поправил очки и бросился к бабушке.

– Как дела? Какие оценки? Поди семерки да шестерки? – спросила та, а в ответ услышала всхлипывание, приглушенное её пуховиком, в который уткнулся внук.

– Что такое? Что с моим сладким мальчиком произошло? Кто обидел? – запричитала женщина. – А что у нас с курткой? Ты нечаянно оторвал капюшон?

– Нееееет! – уже в полный рёва голос, наконец-то оторвав лицо от бабушкиной одежды, выдал Славик. – Это всё они!.. Они!.. Я больше не пойду в эту школу...

Бабушка крепко-крепко прижала к себе пацанёнка, забившегося в неужённом рыдании. Под левой лопаткой у неё заныло, рука налилась тяжестью, стало трудно дышать. В висок застучало: «Кто? Кто? Наверное, старшекласники... Что они сделали с моим зайчиком, самым лучшим, самым ласковым и таким роднёньким мальчиком? Так вот почему он в последние дни сам не свой был... Надо срочно идти в школу, надо...».

Как сквозь сон, она слышала плач ребёнка, что ей дороже собственной жизни. Ноги сделались ватными, свет в глазах померк...

– Айчка! А что у вас в классе произошло? – окликнула дочку мама.

Айка насторожилась: сегодня она выругала техничку, которая махнула половой тряпкой по её белоснежной кроссовке. Ну и что, что шла наперерез уборщице! Та могла бы и прервать натирание полов. Не обходить же её по соседней лестнице...

– Не знаю... А что?

– Да вот, читаю в общалке, мама какого-то Славы пишет... Есть у вас такой?..

– Не знаю... – решила было уйти от расспросов девочка. – Я там ни с кем не общаюсь...

– Как так? Это же твой класс.

– Да они все там какие-то недоделанные.

– Ну, извини, мы не в Париже. И школа эта не элит... Вот, пишет, значит, мама Славы... что сына кто-то обижает... даже издеваются над мальчиком... у него теперь нервный срыв...

– Не знаю про это.

Айка резко повернулась и ушла в свою комнату. Сердечко у неё готово было выпрыгнуть из груди и помчаться к Игорю с Артёмом.

На несколько мгновений ей стало страшно, но потом голова включилась в разбор ситуации, и Айка приняла решение – я тут не при чём, но спортсменов предупредить надо!

Мамы её друзей тоже читали послание Козловой и тоже выпытывали у сыновей: кто же мог издеваться над их соклассником?

И тому, и другому от Айки пришли эСэМэСки: «Козлов на вас наступал! Ду-майте, как отмазываться!».

Утром на крылечке школы пацаны держали совет.

– Чё теперь будет?

– Не знаю.

– Я тоже. Где эта Айка? Всё из-за неё. На фиг нам сдался этот хорёк...

Чёрный Крузак, как всегда, подкатил к воротам в последние минуты перед звонком. И как всегда, из проёма заднего сиденья вышла Айка. Только в это утро она не показалась мальчишкам принцессой. Да и суперская машина не вызвала привычного восторга и вожделения.

– Ты, Айка, ты знаешь, что делать? – сходу, без обычного «Привет!» бросились к ней пацаны, давно утвердившие её главной во всём.

– А я тут при чём? – надменно вскинув брови на ходу, не останавливаясь, ответила девочка. – Вы же над ним прикалывались! Зачем ты, Артёмка, вчера ему куртку порвал, а?

– А чё он вперёд меня в автобус полез?

– Ладно, – остановила разборки Айка. – Мать Козлова пишет, что, наверное, его старшеклассники обидели. Вот пусть так и думает. А вы не признавайтесь. А про куртку скажешь, что нечаянно...

В класс тролица вошла со звонком. И каждый из них увидел, что Славы Козлова за партой нет.

– Внимание! Берём авторучки и записываем в дневниках, – не начиная положенного урока математики, объявила Гульмира Абеновна. – В пятницу, 2 декабря в 17 часов – родительское собрание. Обязательно передайте это мамам и папам. Артём Штырёв, Игорь Ли! Ваши родители должны быть обязательно. Так и передайте! А теперь открываем тетради по математике...

На всех переменах тролица обсуждала главный вопрос: как быть? Что делать, чтобы родители не узнали про Славу-сдавалу?

– А может быть, и не из-за вас собирают собрание? – предположила отгородившаяся от пацанов ушлая Айка. – Чего вы паникуете?

– Ага тебе, не из-за нас! – горячился Артём. – А почему она про нас отдельно сказала?

– Может, поговорить с училкой, попросить, чтобы она нас не сдавала, – робко предложил Игорь.

– Ты чё, Игорёк? Как это мы с ней будем говорить?

– Ну, твой же папа как-то договаривается со всеми, пусть он и с ней договорится.

– Вот ты сказанул! Да отец, если узнает, что мы Славу прессовали, он сам меня загасит.

– А что? – вмешалась в спор Айя. – Мысль хорошая: надо ей что-нибудь преподнести хорошее и задобрить. Деньги есть?

– Есть! У меня две тысячи осталось, – тут же отреагировал Игорь.

– Вот и хорошо! Купите большую шоколадину – все женщины это любят, и после уроков подарите. А потом попросите отменить родительское собрание. Пообещайте, что к этому душнине больше не подойдёте.

На последней перемене пацаны метнулись в буфет. Выбрали коллекционную длинную плитку шоколада «Казахстан» за 1500 тенге. А на сдачу попросили положить в пакет 10 шариков курта из верблюжьего молока.

– Вы чего, подарок кому-то несёте? – удивилась такому выбору буфетчица Халима-апа.

Артём с Игорем испуганно глянули друг на друга – как это так быстро их вычислили? – и отрицательно закрутили головами.

– Ну, нет так нет – и этот кулёк пойдёт. А то я уж хотела вам, как лучшим моим покупателям, положить покупки в красивый пакет.

Игорь, всё еще отрицательно мотающий головой, тут же перевел амплитуду шеи в кивательное движение.

– Да, да, положите, пожалуйста!

– Тогда один курт заберу назад...

Когда всех рассадили на самоподготовку в кабинете для творческой работы, заговорщики потихоньку выскользнули в коридор.

Немного постояв перед своим классом и посоветовавшись, кто начнет разговор первым, постучали в дверь.

– Да, да... – не поднимая головы от стопки проверяемых тетрадей, отозвалась учительница.

Ребята вошли. Сначала они остановились у двери, но когда увидели вопрошительный взгляд классного руководителя, подталкивая друг друга, пошли к Гульмире Абеновне.

– Что случилось? Почему вы не на самоподготовке?

Приближаясь к учительскому столу мелкими шагами, пацаны мямлили:

– Да мы, эта... к вам хотим... Ага... щас расскажем...

– Вот, – зардевшись, протянул пакет Игорь, – это мы вам дарим.

Гульмира Абеновна взяла и открыла «подарок».

– Шоколад?! А это – курт?! В честь чего такие подарки? У меня уже был день рождения. Интересно. А ну-ка присаживайтесь...

– Мы хотим с вами поговорить... нет, договориться... – начал Артём...

...Собрание родителей продолжалось...

– Судя по активности в нашем общем чате, большинство из вас в курсе... э-э-э... не скажу происшествия, и даже не инцидента, а неприятной ситуации, в которой есть пострадавший – это Слава Козлов. Да, каким-то образом в этом есть и моё упущение – недоглядела. Но хорошо то, что Игорь и Артём сами рассказали мне о сложившихся обстоятельствах. Причём я уверена, они были в своём раскаянии искренни, именно это главное. Теперь об этой истории знают все. И я вас очень прошу отнестись к теме дальнейшего взаимоотношения весьма деликатно – не настраивайте детей против наших «героев», иначе мы загоним конфликт вглубь.

Найдите возможность проследить – не свойственно ли и вашим отпрыскам стремление стать такими же. Тут многие родители старше меня, и я не хочу вас поучать. Однако глубоко и долго общаясь с ребятами, анализируя характер и поступки каждого, вижу, что все они – герои нашего времени, вернее – продукты. Они всё видят и слышат, примеряют на себя. Думаю, что ни я, ни вы не можем противостоять любимому детьми интернету, где можно найти всё что угодно и в основном негативно влияющее на ребенка...

– Слава Богу, хоть порнуху в Казахстане из инета выкинули, – ввинтил реплику Штырёв-старший. – Ну а так-то, по нынешней жизни – закон джунглей: кто сильнее, тот и прав. И до интернета так было и всегда будет. Есть терпилы, и будут всегда...

Гульмира Абеновна вопросительно посмотрела на Штырёва. Лицо ее оставалось серьезным, ему показалось, что во взоре учительницы мелькнули злые искорки.

– А чё, я чё – не прав?.. – опустив голову, забухтел родитель Штырёв. – Чё, лучше бы моего пацана прессанули?..

– Да угомонитесь вы, – шипящим шепотом урезонила его соседка по парте.

– Хорошо, будем на этом завершать собрание, – прервала молчание классный руководитель. – И всё-таки напоследок хочу вам напомнить великий принцип воспитания: только собственный пример! Преподаватель, доцент Василий Григорьевич Лагодин студенткам Женского пединститута всегда напоминал, что «...процесс воспитания есть процесс исправления собственных детско-юношеских ошибок». Всем желаю удачи! Прошу угощаться! – Гульмира Абеновна раскрыла пакет и высыпала на стол «подарки» от спортсменов – огромную шоколадину и... восемь шариков курта: не удержалась учительница перед казахским древнейшим лакомством. Ну что тут сказать? Все мы люди: маленькие и большие, сильные и слабые, добрые и злые, мудрые и не очень, хитрые и... В общем, всё как во все времена!

КРОССОВКИ «АДИДАС»

Никогда после того, о чем расскажу вам сейчас, я не носил обувь своего размера – всегда на вырост. То есть на размер, а то и на два больше, чем моя нога. Нет, я не из бедной семьи, где считали каждый тенге, а одежду и обувь детям покупали в расчете на донашивание младшими после старших. Впрочем, я сам был старшим из братьев, которым доставались мои шмотки. Ну и что здесь такого? Во многих, даже состоятельных семьях младшие донашивали за старшими все, что им особенно нравилось на плече брата или сестры. Не всё подряд, конечно, как было, когда мой дед был ребенком, а только то, что приглянется.

– О, ты уже вырос из этой курточки, надо ее убрать... – говорила по весне мама, перебирая наши пожитки.

И тут же младший братишка встревал в разговор:

– Мама, а можно эту курточку я буду носить?

Я не раз замечал, как братик нырял в мою косуху из чистой кожи. Конечно, она ему по росту и жиру не подходила, зато была такой манящей, взрослой. Он надевал курточку и мчался к зеркалу. Смотрелся в свое, как ему казалось, крутое

отражение и, вытянув вперед обе руки, как будто держась за руль байка, начинал рычать, изображая рев мотоцикла «Харлей Дэвидсон». Малыш чувствовал себя так, будто врос в седло моцика на крутых виражах сложной трассы.

– Мы тебе новую купим! – говорила мама.

Но братишка упрашивал:

– Мам, я хочу, как у Руслика...

Кстати, забыл вам представиться, меня зовут Руслан, и мне уже 12 лет.

А рассказ мой начну со времени, когда пришла моя пора идти в первый класс.

В один прекрасный день мама с папой повели меня в магазин для покупки ученического прикида – формы определенного в министерстве просвещения образца, а также рюкзака и всего того, что в него должно помещаться – ну там разных книжек, тетрадок, пенала, ручек, карандашей, ластиков и прочего для рисования и уроков труда.

В конце мама спросила продавца:

– А для уроков физкультуры мы у вас что-то найдем?

– Конечно, – кивнул головой продавец. – Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж.

– Я вас внизу подожду, – сказал папа, которому пришлось таскать тяжелую сумку с пожитками будущего первоклассника. При этом он все время ворчал, что в его время...

Честно признаюсь, я не очень-то понимал, да и не хотел понимать, что в школьные годы моих родителей в нашей стране были совсем другие деньги и такие маленькие цены, что...

Цены, которые они вспоминают до сих пор, были, на мой взгляд, какими-то нереальными. Но вернуться в то время родители почему-то не хотели.

Ну а мне что ли есть дело до каких-то рублей и копеек, если я уже в детском саду знал точно, что миллион тенге – это всего лишь пара тысяч американских долларов, но именно за них папа купил нам «Тойоту». Иногда я задумывался: почему в нашей стране можно купить японскую машину за американские деньги, и почему нет казахской тойоты или, скажем, машины по имени «Тулпар», которую надо покупать исключительно за тенге? А что, хорошее название «Тулпар». Где-то за границей, в других странах, есть машины под названием «Ягуар», «Газель». Почему бы и нам не иметь свой «Тулпар»? Но долго на эту тему я думать не мог, потому что надо было искать в планшете мультики или играть в погоню универсального солдата за преступниками. И я всегда думал, что, когда вырасту, именно этим и буду заниматься. Буду стрелять из пистолета кольт и быстрее всех бегать, потому что на ногах моих – кроссовки фирмы «Адидас».

– Я когда-то тоже мечтал иметь кроссовки «Адидас», – рассказывал папа, когда я поведал ему свою мечту. – Но твой дедушка, коммунист и честный партиец – были такие в наше время – категорически возражал. Он говорил: «Кто носит фирму “Адидас”, тот завтра родину продаст!»! А теперь все носят только заграничное. И те, у кого папы и мамы были коммунистами, и никому и ни за что бы родину не продали – а может, и продали, только мы этого не знаем – и другие, беспартийные в седьмом поколении... Носим только импорт, потому что своих кроссовок в нашей стране не шьют.

– Мне надо спортивную форму и обувь на мальчика, – обратилась мама к продавцу спортивного отдела и жестом показала на меня.

Тот смерил меня взглядом, сказал: «Сорок-сорок два», потом посмотрел на ноги и определил: «31-й размер!»

– Какую фирму предпочитаете? «Пума», «Найк», «Адидас»?

Мама еще и рта не успела открыть, как я выпалил:

– Адидас!

– Ого, а ваш джигит с понятием: выбрал самый крутой бренд... Правильно!

Кто носит фирму «Адидас»...

На этих словах я съезился. В памяти мелькнули слова папы и дедушки-коммуниста. Но я, человек, который каждое утро в садике пел «Алтын кун аспаны, алтын дэн даласы...» – гимн Казахстана, самой лучшей страны на свете, как говорила наша апайка-воспитательница, ни за что на свете не хотел «продавать свою родину»...

К счастью, торговец продолжил по-другому:

– ...тот лучше всех играет джаз!

Что такое играть джаз, я уже знал, и мне эта музыка нравилась. Мы даже на выпускном балу в детсаду под нее чуть-чуть потанцевали. В спектакле. Там, где злой волк приходит в юрту за ягнятами. Мы так над ним смеялись! Говорили: «Касеке, ничего ты не получишь!» Волк же – это касқыр, а поскольку он старый, мы к нему обращались по-казахски с уважением – «касeке». Хотя он не достоин уважения, потому что хотел съесть семерых ягнят.

Ну так вот, мне понравилось, что в «Адидасе» я буду лучше всех играть музыку джаз.

Темно-синий спортивный костюм сидел на мне как влитой. Только штаны с лампасами были чуть-чуть длинноваты.

– Ничего, – сказала мама, – я подошью, и как раз до третьего класса нам этой формы хватит.

А вот кроссовки!..

Это чудо спортпрома мирового уровня на меня оказалось маловатым...

То, что большой палец на каждой ноге упирался в переднюю стенку обуви, увенчанной тремя полосками возле шнуровки, пока чувствовал только я. И я же хотел немедленно рассказать об этом маме. Но она опередила меня вопросом к продавцу:

– Мне кажется нам надо на размер больше...

– К сожалению, это последняя пара...

От этих слов я съезился внутри себя: «Неужели я не стану обладателем таких чудесных кроссовок, в которых играют такую классную музыку?!», – пронеслось в голове.

Но тут же сказал вслух:

– Не надо другие! Они мне как раз, даже немного большеватые...

– А ну-ка, дай я пощупаю, где у тебя пальцы? – сказала мама, присела на корточки и...

Я успел поджать пальцы!

– Смотри-ка, и правда – как раз, – коротко обследовав настороживший объект, согласилась она.

– Пожалуйста, проходите на кассу, – не скрывая гордости за ранее продемонстрированный профессионализм, произнес торговец...

Дома, демонстрируя покупки, я старательно поджимал пальцы ног, как будто бы каждый из домочадцев стоял в очереди на прощупывание моих нижних ко-

нечностей, обутых в фирменную обувь – предмет гордости и вожделения всех мальчишек и девчонок, но более всего моего братишки. Ему-то я без страха дал померить свою гордую обнову – знал, насколько его нога отличалась от моей в меньшую сторону.

– Носи их, пожалуйста, аккуратнее, – пропищал он мне на ухо.

Но мама услышала и засмеялась:

– Ну что ты такое говоришь, сынок? К школе мы тебе новые адидаски купим..

На том бы и завершилась эта история. Тем более что в первый класс я поступил, как говорили родители, без проблем.

Проблемы начались, как вы уже догадались, на первом же уроке физкультуры.

Это пройти в магазине и по квартире с поджатыми пальцами мне удалось, не привлекая внимания к своей походке. А в спортзале уже на втором круге пробежки мне захотелось взвыть от боли, щиплющей большие пальцы ног: при беге мне было невозможно удерживать их неподвижно и на расстоянии от стенок обуви. Они терлись о подошву и верх адидасок с неистовой силой!

Но я терпел...

А зря...

В конце урока, переобуываясь, я с испугом смотрел на покрасневшие пальцы и прикидывал, что и как мне сказать родителям, чтобы...

Вечером вся семья расспрашивала первоклассника, как прошел очередной день учебы. Конечно же, я не сказал им про натертые мозоли, к вечеру ставшие прозрачными пузырьками. Они пощипывали, но терпеть эту боль, по сравнению с той, что была внутри кроссовок, было легче, и я решил, что к утру все пройдет само собой.

А кроссовки...

Я их разлюбил за один урок и готов был поменять на простые китайские кеды, какие были у большинства мальчиков из нашего класса.

Легко сказать – «поменяться», а как это сделать?

Но делать что-то надо!

Второй урок физры приближался, и я с опаской и раздражением глядел на свою недавнюю мечту.

Решение пришло само собой – я обманул учительницу: сказал, что забыл кроссовки. Она разрешила мне бежать в ботинках. Конечно, это было тяжелее, чем в легоньких кедах или фирменных кроссовках, поэтому я отстал от всех ребят. Даже от девчонок...

– А где твои кроссовки? – вкрадчивым голосом спросила мама после уроков.

И в этот день я соврал еще раз:

– Я их в классе забыл...

– Вот как?! Галия Темирбаевна сказала, что ты их забыл дома.

Я с ужасом осознал: учительница позвонила маме и все рассказала.

– Чего молчишь? Где кроссовки? Ты потерял их? Или их у тебя отобрали?.. – мама сыпала вопросами, не догадываясь, что адидаски покоятся в моем рюкзаке. – Завтра я пойду с тобой в школу и...

Тут мои первоклассные нервы не выдержали, и я заплакал. Нет, я не девчонка, чтобы реветь в голос, просто слезы сами потекли из глаз на щеки, одна или две слезы попали на губы, я слизнул их – противная соленость заставила жалеть себя, и только тогда я всхлипнул...

– Сыночек, что случилось? – тревожно спросила мама.

– Не надо ходить в школу, кроссовки у меня в рюкзаке...

– А почему тогда звонила Галия Темирбаевна?.. Ничего не понимаю...

Мама опустилась на диван, и у нас начался тяжелый разговор. По мере того как я рассказывал про мозоли на пальцах, лицо ее мрачнело, а жалостливые нотки голоса сменялись на отрывистые слова: «И что?», «Ну, и...», «Почему не сказал сразу»...

– Дмитрий! – позвала она папу. – Дмитриий! Иди сюда, послушай нашего врунишку!

В этот миг мне стало очень обидно. Обидно за слово «врунишка». Я так возмутился, что даже не устрасился того, что в бой вступает отец, и, конечно же, он будет на маминой стороне. Это я-то врунишка?! Я, первоклассник, уже получивший две пятерки?!

Ну да, я врун! Обманул учительницу? Обманул! Маме наврал? Наврал! Слезы из глаз брызнули очередной порцией, и почему-то к ним стали присоединяться сопли. Я зашвыркал носом, подбирая их повыше от губы...

– Стоп! Тохта! – скомандовал папа.

Он всегда вставлял казахские слова в свою речь. Мама тоже иногда так делала. Родители как-то сказали нам, что в нашей семье все будут учить казахский язык, потому что жили и будем жить в Казахстане. Говорили, оправдываясь, что они дети СССР, а там все учили только русский язык. Но мне в этот момент было все равно, на каком языке оправдываться. Почему-то сразу вспомнилась бабушка, которая приезжала к нам часто и надолго. При ней папа с мамой нас с братишкой не очень-то ругали, что бы мы ни натворили. «Бабуля – наша заступница, где ты?!»

– Давай разбираться! – продолжил папа.

Я попытался унять слезы, чтобы не зареветь в голос.

– Но сначала пойдя, умойся и приходи сюда, – смилостивился отец.

Я долго, как мог, тянул время, поливал лицо холодной водой. Мне хотелось замерзнуть, заболеть, и чтобы родители, смерив температуру, вызвали скорую помощь. И пусть мне делают уколы, пусть... Лишь бы не называли вруном и не заставляли пересказывать всю историю с кроссовками еще раз.

Но чуда не случилось, пришлось возвращаться, так как мама уже дважды крикнула из зала: «Руслан, ты где?»

К моему возвращению родители, видимо, переговорили и обсудили детали моего вранья.

– Значит, так, – строго начал папа. – Зачем ты обманул маму в магазине?

– Продавец сказал, что таких кроссовок больше нету, – всхлипывая, начал объяснение я.

– Господи! Нет здесь – идем в другой магазин, – вставила версию мама. – Что же ты наделал? Ты на свои ноги посмотри! Их же теперь лечить надо!

– А ну-ка покажи, – сменив строгий тон на мягкий, сказал папа. И я понял – разноса мне не будет...

...Вечером, когда нас с братиком уложили спать, тот погладил меня по голове и участливо спросил:

– Ты теперь вообще никогда врать не будешь?

– А я и не врал, я обманул маму, а это разные вещи.

– В чем разница?

– Ну, знаешь, врут те, кто...

«А и правда, в чем разница между враньем и обманом? – задумался я, так и не ответив зевнувшему братишке. – Что хуже – врать или обманывать? Нет, конечно, и то и другое плохо, но что хуже?»

В тишине, заполнившей нашу квартиру, сквозь мою дрему пробивались голоса. Как будто бы из далекого далека они проникали в мои уши...

– Вот какой врунишка у нас растет! – это мама...

– Он не врунишка – обманщик! – папа отвечает.

– Разницы нет! – опять мама...

– Есть, и еще какая, – начал обосновывать свое толкование папа. – Врун – это сочинитель, он, как правило, преувеличивает свои действия, чтобы выглядеть в глазах окружающих героем. При этом никому вреда не приносит. Просто со временем его перестают воспринимать всерьез – пусть себе врет, говорят его друзья, которые изучили врунишку как облупленного. А обманщик, тот стремится получить выгоду от обмана других людей. Иногда это ему удается, но чаще обманщик оказывается в сетях собственного обмана – как наш Руслик: обманул тебя, а ноги стер свои...

Мне аж спать расхотелось, когда папа все по полочкам про меня разложил. Так вот я какой! Значит, сам себе плохо сделал? А еще свою первую учительницу обманул сегодня...

– Ладно, перерастет и не станет врать, – мудро заключила мама.

Я не очень-то понял, кого или что я должен перерасти, но успокоился немного: стало быть, не все потеряно, и я еще смогу быть хорошим человеком.

– Как быть с кроссовками? – спросил папа.

– Эти фирменные оставим, благо, есть кому их носить. Только бы не провоцировать рост следующих ног...

– А Руслану купи завтра кеды, да не просчитайся с размером, бери на вырост, – завершил разговор папа.

К следующей физре у меня были новенькие кеды. Конечно, это была совсем другая, не такая красивая и удобная обувь, как адидасовские кроссовки, но я и вспоминать про них не хотел. Что такое «на размер больше», я узнал именно тогда. И скажу вам – не очень-то это приятно, хотя гораздо удобнее, чем когда обувь впрытык.

Перед уроком физкультуры ко мне подошел одноклассник Вадик. У него тоже были кроссовки «Адидас», только не синие, а красные – из-за этого он мне на первом уроке позавидовал.

– Где твои кроссовки? – удивленно уставившись на мои черные кеды, спросил Вадим. – Ты что, потерял их?

Я замер в поисках ответа: что мне было ему рассказать? Правдивую историю про мой обман или опять обмануть? Это что ж такое – мне теперь всю жизнь придется врать?

В этот момент учительница велела нам построиться и объявила начало занятий:

– Бежим три круга!..

А после физры Вадик забыл про свой вопрос, и хорошо – мне не пришлось ничего придумывать.

«Вот ведь как – один раз обманешь и потом не сможешь остановиться. И станут тебя товарищи звать врунишкой, обманщиком, а то и чего хуже к тебе прилипнет», – размышлял я.

Когда мои мозоли лопнули и зажили, к нам в гости приехала бабушка, папина мама.

Я так боялся, что родители расскажут ей про мой обман, что специально к ее приезду выучил песню к годовому утреннику.

Вечером бабуля проверяла мой дневник и очень хвалила, потому что учился я на одни пятерки. Потом мы с братишкой должны были продемонстрировать бабуле таланты. Я спел песню и опять очень угодил ей. А братишка начал рассказывать стихотворение про Новый год, но сразу же после первых строк сбился и не мог вспомнить слова.

– Ой, малыш, не принесет тебе Дед Мороз подарок, – сокрушалась бабушка, – обязательно поучи стихотворение как следует...

И тут случилось страшное: братишка обиделся – меня хвалят, а его журят – и выпалил:

– Руслан врун и обманщик, он обманул маму и натер себе мозоли! Вот!

– Ого-го! – вскинула руки и дернулась в кресле бабушка. – Ты зачем такие слова на старшего брата сказал? – видно было, что она рассердилась по-правдешнему. – Ну-ка, послушай меня!

Братишка замер и насупился – он-то ожидал, что бабушка похвалит его за доклад, а она вдруг стала строго смотреть на нас.

– Вот что я тебе скажу, и советую всем в этом доме запомнить: у нас один рот и два уха, значит, мы должны больше слушать, чем говорить. Но у нас есть еще два глаза, и они расположены выше ушей, поэтому мы всё должны увидеть сами, а не верить слухам. Над всем этим возвышается мозг, и он заставляет нас сначала думать, прежде чем выливать всё через рот, – то, что увидели глаза и услышали уши.

Мама и папа стояли перед бабушкой и вместе с нами выслушивали ее наставление.

– Ты понял, сынок? – она повернулась именно к папе, своему сыну. – Ты понял, о чем тебе надо поговорить с мальчиками?

– Понял, мама. Конечно, мы уже начали эту работу...

– Сынок! Это не работа, вся жизнь твоя, – бабуля повернулась к нашей маме, вытянула в ее сторону руку и еще более сурово добавила: – И твоя!

Потом посмотрела на нас с братишкой и скомандовала:

– Живо одевать ролики-шмолики – и на улицу. Хочу посмотреть, не лежат ли мои подарки у вас взаперти – покажите мне, как вы умеете кататься.

Не знаю, что понял из всего сказанного, да и вообще произошедшего, мой братишка, но всякий раз, как приходилось покупать новую обувь, я старался брать ее на размер больше, то есть на вырост. Вот стану взрослым и тогда куплю себе адидаски точно по ноге.

СТАРЫЙ СОЛДАТ И СУПЕРМЕНЫ

В день начала Великой Отечественной войны Павлу Максимовичу Новикову исполнилось четырнадцать лет. Конечно же, в столь юном возрасте никто его по отчеству не величал: для мамы с папой он – Павлуша, Павлик, для своих сверстников – Пашка или Паша, с ударением на последнюю букву – Пашá. В Алма-Ате,

как тогда через дефис писалось название столицы Казахстана, зачастую имена мальчишек и девочек переиначивались – славянские и другие подстраивали на казахский лад, казахские на русский. Александра звали, как правило, Аликом, а Талгата – Толиком, Толяном, но не Анатолием. Маша – Марьям, Сауле – Света... Примерно так. Лишь бы первая буква соответствовала родному имени. «Алма-Ата» тоже не произносилась по-писанному: в просторечье – Алмата, Алматы. Шутники-острословы, те и вовсе договаривались до смешного – «Лахмота». А соседний городишко Каскелен прозвали «Кишкиленом»...

Ну, это так – к слову.

Речь наша пока что – о пареньке из прошлого века, чей четырнадцатый день рождения, который, кстати, многие люди называют неправильно «именинами», пришелся на 22 июня 1941 года. Именно в то, раннее воскресное утро на Пашкину родину напали фашисты – началась самая кровопролитная война, унесшая десятки миллионов жизней. И об этом Павел Максимович, ветеран-фронтовик никогда не забывал. Ему все свои честно прожитые 95 лет твердо верилось, что люди во всем мире, а на его родине особенно, живут по словам, высеченным на памятниках погибшим воинам: «Никто не забыт и ничто не забыто». Старый солдат относил это изречение поэтессы Ольги Бергольц и к себе лично: в 1944 году, за год до Великой Победы, он и его лучший друг Талгат сбежали из тылового города Алма-Аты, добрались до самой западной границы СССР и, приписав себе в метриках по году, поступили в прифронтовую военную школу, где готовили разведчиков...

Попали в один полк. Воевали, имели ранения, но обоим повезло прийти с войны живыми...

«Эх, Талгатик, дружок мой фронтовой! – думал, вздыхая Павел Максимович. – А ведь мне теперь и за тебя, и за себя в парк 28-ми героев-панфиловцев к Вечному огню идти! Обязательно, мой друг и брат, обязательно пойду... Вот только правнука дождусь и пойду...»

* * *

– Ну чё, пацаны, играем? – подскочил к расположившимся на зеленом искусственном поле спортплощадки Ильяс – маленький, но весьма деловой второклассник. – Кто из нас Халк? Эээ, Димон, давай ты будешь Халком...

– А чё я? – сразу же пошел в отказ упитанный пятиклассник Димаш – знал, что роль супергероя Халка в погонях за другими суперменами – Бэтманом, Спайдерменом, Железным человеком не из приятных. Эти шустряки как начнут сейчас бегать и прыгать с горки на горку, нырять в туннели и лазать по канатам, а ему, солидному человеку, тяжело за ними гоняться – любил Димаш бабушкины бауырсаки, ох любил, мог в одиночку все, что попало на блюдо, умять. Но именно из-за упитанности и роста его во дворе давно окрестили Халком – сильным супергероем из американских мультфильмов. Однако дворовому «Халку» мышцы заменил жирок. Вот и оставался он в проигрыше, причем часто. А раз проиграл, не победил – иди в магазинчик под аркой дома за кока-колой на всех суперменов.

К пацанам подошел Казбек.

Ему уже исполнилось тринадцать. Над верхней губой появился черный пушок красивых кавказских усиков, чем их обладатель очень гордился – постоянно смотрелся в зеркало и ощупывал подбородок: а не появился ли и там такой же пушок,

что со временем, как у брата, станет модной бородкой? Именно из-за «усатости» Казбек казался старше своих лет, но в душе все еще оставался приверженцем игр в «звездные войнушки» и с удовольствием водился с десятилетней малышкой. Однако держал себя с ними солидно. Если что не так – покрикивал на пацанят, требовал уважения. И в то же время уступал многим, потому что слабо владел гаджетами – даже со своего айфона иногда не мог войти в нужный аккаунт. За что и был не раз осмеян. Зато в играх-стрелялках и кричалках руководил именно он

– Эй, джигиттер, опять вы в своих суперменов хотите играть? Я вот вчера в Достык-плазе «Аватар-2» посмотрел – там такое вытворяют, блиииин!

– А как мы будем в это играть? – Ильяс недоуменно вытаращил глаза. – Я еще этот фильм не видел – мама сказала: посмотришь, как билеты станут дешевле, а то за один надо заплатить как за килограмм мяса...

– Да ну нафиг!

– Ничёсе!

– Ты где бабки на кино взял?! – наперебой затараторила ватага.

– Отец купил... Всем... Ээээ... – хотел еще что-то добавить Казбек, но, налившись гордостью от того, что во всем дворе только он, вернее, его папа может позволить себе купить сыну и дочкам такие дорогие билеты, не стал продолжать.

– Короче... Ребя, я буду Джейк-предводитель на планете Пандора... А вы – земляне... прилетели, чтобы ограбить мой народ. Короче, я залезаю на горку внутрь замка, а вы меня штурмуете. Кого я засвечу «лазерной пушкой», – он достал из кармана фонарик с красным лучом, – тот убит. Поняли?

Все с нетерпением закивали головами, выказывая покорность «предводителю».

И только хитроватый Ильяс, в тот момент, когда Казбек стал выгонять малышей из замка, что высился над детской площадкой, сообразил:

– Эй, Казбек, а как мы можем тебя убить – у нас нет лазерных пушек, да?

– Ну как, как? Вы должны изловчиться и схватить меня сзади... Приготовились? Пошли на меня!!!

Пацаны засуетились.

– Отвлеки его, – сказал Ильясу третьеклассник Серега-Серик. – А я сейчас через туннель пролезу, потом по турнику и...

– Ага тебе, – буркнул хитрован. – Ты-то – сзади, а меня он спалит...

Другие ребята закричали «Ура!» и смело пошли на штурм.

Казбек метал в них красный луч фонарика, но всякий раз тот, в кого попадал «лазер», отнекивался: «Я – Бэтмен, меня твоя пушка не берет». Или: «...у меня суперзащита от лазера»...

Очень скоро Казбек поднял руки вверх, обозначая конец игры.

– Нет, так не пойдет, вы все в защите оказываетесь. Такого в фильме нет. Вам надо сначала кино посмотреть, потом играть будем...

Однако страсти зажгли пацанячьи душонки и потребовали продолжения игры.

Тем более день-то какой выдался! – солнечный, теплый, правда, с ветерком! Расцветшая сирень дурманила запахом, молодые клейкие листья карагача дарили взору такую изумрудность цвета, какой в другие месяцы в Алматы не отыщешь. А трава на газонах? Она, казалось, растет не по дням, а по часам – приглядись только. После слякотной зимы и туманной ранней весенней поры май манил на улицу всякого, а ребятню просто не отпускал с игровых площадок.

Казбек вновь заявил свои права на командирский пост:

– Короче, вчера я видел, что в подвал первого подъезда спускались сантехники – они что-то там заваривали. А потом потеряли ключи от дверей. Мой дедушка их ругал – вы же знаете, что он председатель КСК и все должны здесь ему подчиняться? Короче, идем в подвал, будем играть в разведчиков. Там темно, можно прятаться.

Компания, ошарашенная такой редчайшей возможностью, как посещение подвала, замерла в изумленном молчании. Конечно же! Подвал – это счастливая возможность оказаться в таинственном месте! Казбеку-то хорошо – его дед имеет ключи от всех подвалов в микрорайоне, и он, когда захочет, тогда и спустится в заволаживающую утробу огромного девятиэтажного дома. Вот честное слово: на крышу в сто раз легче попасть, чем в подвале оказаться.

– Короче... Значит, так, – уже перед входом, ведущим в неизвестность, начал заговорщицки Казбек, – ты, Петька, идешь со мной. Мы спрячемся. А через пять минут вы все начинаете нас искать. Для ориентировки я буду давать вам луч. Все смотрите на часы: если за полчаса нас не найдете – жмите в магазин за колой.

– А если найдем раньше? – тут же вставил свои «пять копеек» Даулет, который обычно всегда молчал.

– Тогда я отвечаю за базар! – гордо с выражением чувства ответственности сказал Казбек.

Что скрывалось за его «отвечаю», он и сам пока что не знал, но именно в таком свете хотелось ему выглядеть среди дворовых приятелей – «предводитель», да и только!

– Нет, я не могу в подвал идти! – вдруг ни с того ни с сего заявил Петя Новиков. – Мне папа сказал быть во дворе. Он пошел к своему дедушке, чтобы отвезти нас к Вечному огню...

– Зачем? – ошарашенный отказом на предложение, выражающее высшее доверие «Аватара-предводителя», Казбек резко взмахнул правой рукой и замер с высоко поднятым указательным пальцем. – Зачем вам этот огонь?!

– Сегодня же День Победы – нашего старенького дедушки праздник. Он в этот день фашистов победил.

– Непонятно, где победил? – начал злиться «командир», предчувствуя фиаско всей разведкампании.

– На войне. Давным-давно фашисты напали на нашу страну... – Петя начал пояснять из того, что знал сам. – И наш дедушка победил их. Еще у него был друг Талгат-ага, он тоже воевал, но уже умер...

– Что он говорит?

Казбек призвал к вниманию всю группу. Пацаны лишь моргали глазами. Двое из них признались, что про войну, на которой погибли их предки, они что-то слышали.

И лишь один, Марат Куписбаев, гордо сказал:

– Наш агашка тоже воевал с фашистами, у нас в комнате его портрет висит с медалями. Но я его в живых не застал...

– Вот блиин! Оказывается, у нас тут война была?! – Казбек почесал затылок. – Ладно, потом у папы спрошу, он все знает. Короче, Петька, если ты ботан – уваливай, мы сами спустимся и поиграем. Так, кого я с собой возьмууу...

Одной секунды хватило пацаненку, уличенному в слабосилии духа и тела, – а как же, «ботан!», «ботаник!» – это серьезное клеймо, может на всю жизнь прирасти, – чтобы принять решение:

– Ладно, иду, только быстро!

– Другое дело, братан! – повеселел организатор игры. – Вперед! А вы пять минут ждите.

Лестница резко опускалась ступенями в темноту. Казбек зажег фонарик. Но тонкий луч, на улице казавшийся всесильным против любой тьмы, высвечивал лишь узкую полоску под ногами. Пришлось сбавить темп продвижения.

– Ничёсе, как тут воняет! – вдохнув влажный воздух подzemелья, застоявшийся и начавший с наступлением майской жары испаряться, огорчился Петька. – И грязно здесь... Чего твой дед не следит за чистотой – он же здесь главный?..

Казбек промолчал – светя себе под ноги фонарем, он шагал более уверенно.

«Ох, ты! Я же в новой куртке!!! – Петьку обожгла догадка о том, что может статься с его одеждой. – Надо осторожно...»

– Ты чего так медленно идешь – на измене?

– Мне нельзя новую куртку испачкать – мать убьет!

– А у меня этих курток – десять штук, я их не берегу... – начал хвастать Казбек.

Но это только разозлило Петра.

– Не ори на весь подвал, – огрызнулся он. – Ребята, наверное, уже идут по следу – давай прятаться.

Углов, закоулков, труб и каких-то металлических конструкций с круглыми циферблатами и кранами здесь было много. Но всё это имело отталкивающий вид – ржавчина и короста покрывали металл, внутри которого в квартиры текла питьевая и горячая вода, в том числе для отопления, а в обратном направлении – канализация.

То, что именно сюда спускается все «добро» из унитазов, чувствовалось по запаху. К тому же, местами более толстые канализационные трубы дали течь. Из них в зловонные лужи постоянно капала жидкость. Там, где в стенах фундамента зияли вентиляционные окна, свет огромными пятнами выбеливал пространство. И чем ярче было пятно, тем отвратительнее виделась картинка подвального запустения.

«Неужели из таких ржавых труб мы пьем воду?!» – пронеслось в голове Пашки. Но мысль эта не получила развития, Казбек резко остановился...

– Короче, фиг они нас найдут... Смотри, видишь эту дыру?..

* * *

– Петя! – в очередной раз деликатно прокричал во дворе Новиков Николай, отец Пети, внук Павла Максимовича. – Ну где же он?

– С Днем Победы! – поприветствовала мужчин продавщица магазинчика под аркой. – Живите долго, наши защитники! – она вышла погреться на припёк, но при этом дверь в свой «супермаркет» держала на контроле.

– Спасибо, Машекер! – Новиков-старший продемонстрировал прекрасную строевую стойку и даже приложил руку в отдании воинского приветствия женщине. – Вы тут нашего Петьку не видели? – белобрысый такой...

– Да знаю я вашего мальчика, он у вас всегда вежливый и не пакостный. О-ой-бой, а бывают такие нехорошие ребяташки, так и норвят что-нибудь стащить. А то и разбить могут...

– Извините, – Николай прервал ее размышления о «всегда убыточном жите-бытье продавщическом», – так вы видели Петю?

– Да, конечно, бегал тут с мальчишками. Я еще посмотрела и полюбовалась на него: все ребята в уличной одежде, а он во всем новеньком, курточка такая красивая...

– Слушайте, мы очень спешим в Парк панфиловцев – вы же знаете, тут совсем рядом, по проспекту Достык меньше километра. Быстро деда свожу и вернусь; пусть Петя у вас в магазине побудет – можно? Вот вам тысяча тенге на мороженое...

– Ой, конечно, я его заведу к себе... Зачем так много на мороженое даете?

Но вопрос Машекер отправился в спину мужчинам, бодро поспешавшим к машине...

* * *

...Павла Максимовича, как и нескольких еще не ушедших из жизни ветеранов Великой Отечественной войны, чуть не на руках сопроводили к мемориалу защитников Отечества. Здесь, у скульптурного сооружения с барельефами воинов, пред которыми из центра звезды поднимались языки всепоглощающего пламени Вечного огня, всегда в День Победы сложно пройти.

Не многие ветераны войны дожили до своих девяностопятилетий. Начиная с двухтысячных годов, фронтовые однополчане все стремительнее пополняли «Бессмертный полк». Ушедшие в мир иной победители в День Великой Победы «приходили» к Вечному огню на портретах – тысячи благодарных потомков приносили их сюда. Но те, кто пока мог передвигаться – на больших ногах, с помощью костылей, даже в инвалидном кресле, считал своим святым долгом посетить мемориал в этот скорбный и великий день.

...Дед и внук возложили на парапет монумента цветы. Постояли молча. Поклонились...

На обратном пути старик промолвил:

– А ведь скоро, очень скоро, нас не станет... Интересно, продолжают люди праздновать День Победы? Что-то я читаю, в телевизоре смотрю: не очень-то нас, фронтовиков, почитают. «Победобесием» некоторые праздник величают... Ты своему Пашке рассказывай то, что я тебе говорил...

– Конечно, дед! – коротко ответил Николай – не до разговоров ему было, душа болела за сына. «Ну, чертенок, пора уже накостылять ему по шее... Да чего же долго горит красный свет! И этот рулилка впереди, еле-еле тащится, надо обогнать, а то сейчас все на Медеу поедут, весь проспект запрудят».

К арке дома Николай буквально подлетел и сразу же кинулся в магазин...

– Не появлялся Пашка! – задыхаясь от негодования, произнес он, возвращаясь к деду. – Ты сам сможешь подняться в квартиру? А я побегу искать его...

– Вместе поднимемся, когда найдем ребенка, – строго сказал Павел Максимович и приказал: – Спроси еще раз у Машекер, где она видел пацанов в последний раз?

– Уже спросил, говорит – возле входа в подвал первого подъезда.

– Пошли туда...

Чутье не подвело старого разведчика, опыт подсказал: последний след – направление для начала поиска. Конечно, физических следов правнука не обнаружилось, но детские голоса, да что там голоса – крики, они услышали еще на подходе к железным дверям. Те почему-то были заперты палкой.

– Эй, кто-нибудь, – кричали дети, – откройте нас!

– Минутку, минутку, – как мог, успокаивал ребятишек Николай. – Сейчас...

– Дяденька, идите к председателю КСК – у него ключи от подвала, он живет в третьем подъезде.

– Минутку, не нужны здесь ключи... Сейчас... Да не давите вы на дверь – я из-за этого не могу вытащить палку...

Но напуганные темнотой и внезапно возникшей преградой узники не слышали увещеваний и продолжали долбить по железу кулаками и ногами.

– Всем: стоп! – неожиданно громогласно подал команду дед. Ребятишки стихли. – Отойти от двери на два шага!..

Послышался шорох, вернее, шарканье подошв о цементный пол.

– Открывай! – вновь громко и четко отдал распоряжение Павел Максимович.

Николай немного подналег на холодное железо и без труда вытащил деревянный засов. И тут же пятеро мальчишек, как из преисподней, явились на свет божий.

– А где Павел? – недоуменно вглядываясь в лица освобожденных узников подвала, хриплым голосом спросил Николай. И повторил: – Пашка был с вами?

– Был... Но они с Казбеком первыми пошли. Мы потом начали их искать, не нашли, вернулись, а дверь закрыта... – прояснил ситуацию хлюпающий носом Данияр.

– А может, они до сих пор в подвале? – у Николая похолодели ноги, и пересохло во рту.

– Нет, мы кричали им, они не отвечали, мы уже долго ломимся в дверь, – еще более усложнил ситуацию Ильяс. – Все, я пошел домой...

Но едва он сделал первый шаг, как дед вновь рявкнул:

– Всем стоять! Будем разбираться... То, что их двое, уже хорошо – одному потеряться хуже. Дальше подвала они уйти не могли – тоже плюс. Все включают логику и дают свои версии: куда могли подеваться два товарища?

– Мне кажется... – робко сказал Марат, – они там задохнулись и потеряли сознание...

– Как так задохнулись? Вы же не задохнулись, – заинтересовался жуткой версией дед.

– Мы не стали далеко забираться, потому что там...

– Ну, что там, говори...

– Там везде... эти... какашки...

Только тут мужчины ощутили вонь, что исходила от компании освобожденных «пленников». На подошвах их кроссовок и штиблет кусками нависла грязь, определить состав которой на вид не представлялось возможным – тягучая, темная – то, что годами накапливалось, вытекая из канализационного рукава, и перегнивало.

– Там, эта... даже грибы огромные растут, – заметив на себе пристальные взгляды взрослых, добавил Марат.

– А крысы или собаки есть? – все еще поеживаясь от страха за судьбу сына, спросил Пашкин отец.

– Нет, мы их не видели.

– Ну, вот и хорошо, – подытожил Новиков старший. – Давай, внук, бери фонарик и прочесывай подвал. Будешь искать – делай так: крикнул имена, остановился, прислушался и – дальше. А я пока еще поразмышляю с гвардейцами: вы зачем в подвал-то пошли?

– Казбек сказал, будем играть в разведчиков, и привел нас сюда... – наперебой начали оправдываться мальчишки.

– В разведчиков?! Мммм... Это хорошо...

– А до этого мы играли в суперменов...

– Кто ж такие будут эти супермены? За наших или за...

В следующий миг дед поперхнулся – помнил, что многие годы после Великой Отечественной мальчишки играли в «наших» и «немцев». Но в условиях нынешнего времени такое противопоставление вряд ли было уместно, да и ребятишки такое не поняли бы.

– Супермены, они помогают людям, – начали объяснять старому солдату расклад и тактику нынешних «боев» пацаны. – Если на нас нападает, например, Картун кэт, на помощь приходит Спайдермен...

– Это кто ж такой?

– Человек-паук. Он сетью закрывает любого монстра...

В этот момент к первому подъезду подбежал запыхавшийся Казбек.

– Джигитер!.. – сходу, не увидав старика, выпалил он и осекся.

– Агашка, – закричал Ильяс, – вот с ним ушел ваш Пашка!

– А чё, разве не Пашка вас открыл?.. – тяжело дыша спросил Казбек.

Как в трагическом сюжете, понимая, что произошло нечто страшное, все замерли.

Павел Максимович догадался: ситуация выходит из-под контроля. «Значит, нужно добывать дополнительную информацию и срочно на нее реагировать – возможно, правнук в беде».

– Короче, он же должен был вылезти во втором подъезде и открыть вас... – пролепетал Казбек.

– Это, сынок, очень коротко. А ну давай с подробностями...

Казбек побледнел, усики его мелко-мелко затряслись, он резко развернулся и рванул так, будто сдавал зачет по стометровке.

– Эй, паренек! – только и успел крикнуть вслед Павел Максимович. – Надо бы его вернуть... – обратился он к мальчуганам, что возмущенно затараторили на все лады: «Вот – гад какой!» «Да он всегда так делает!», «Помните, когда участковый подошел...».

– Чего это друг ваш испугался? – стало заметно, что старик совершенно растерян. Но тут же заставил себя сконцентрироваться. – Где он живет?

– Ага, его бесполезно искать, – прокомментировал бегство Казбека Марат. – Он всегда так: спрячется, а потом, когда все закончится, прибежит как ни в чем не бывало.

– Ясно! Время терять не станем. Итак: вы – супермены-герои, готовые прийти на помощь попавшему в беду, так? Летать умеете, супероружием располагаете, да?..

Мальчишки слушали старика и виновато переглядывались.

– А вот случилось... эээ... – Новиков не стал говорить слово «беда» применительно к ситуации с правнуком. Хотя и научила его война и разведка быть реалистом, полагаться только на свои знания и силу, боевую выучку и веру в справедливость того, что делал он на фронте, но определенная доля всем известного «не сглазить бы» в нем жила всю жизнь. – Что предлагаете делать для розыска пропавшего приятеля? Кто умеет летать, как на крыльях, кто из вас

«человек-паук» или как там еще? Нет, дорогие мои юные соседи, жизнь и мы с вами далеки от сказок – это нам американцы свои байки навязывают, а мы верим. Ну да ладно – что делать будем, реальные пацаны?

– Можно по микрорайону побегать, посмотреть. Может, он где-то в другом месте играет, – первым выпалил Ильяс.

– Не думаю, что ему пришла в голову мысль бросить вас, меня и пойти пошататься по микрорайону, – сразу же отверг версию Павел Максимович.

– Вы все видели, что двое ребят зашли в подвал, а из него вышел только один, так?

Ребята кивками подтвердили мысль.

– Значит, тот, кто вышел, что-то должен знать, по крайней мере, больше остальных, так?

– Но он убежал...

– Тем не менее, жду от вас решение!

– Надо его найти и подробно расспросить! – предложил Сергей.

– А я вспомнил, что Казбек сказал: Петька должен вылезать во втором подъезде, – сказал Даулет.

– Молодец, сынок! А я вот, старый разведчик, эту фразу пропустил мимо ушей. Значит, так, отделение, слушай мою команду...

В этот момент из подвала выскочил отец Павла.

– Дед, все осмотрел – нет его нигде. А следы там повсюду... Есть один лаз, что ли, в перегородке. Возле нее следы кончаются. Но у меня фонарь сел, в темноте ничего я не понял...

– Ясно! Итак, ребята, продолжаем операцию, – не дрогнув, а может быть, не показав волнения, продолжил «боевой расчет» Новиков-старший. – Кто знает, где живет председатель КСК?

– Я, – отозвался первым Данияр.

– Беги к нему и все расскажи, попроси от моего имени прийти сюда... Да скажи, что срочно надо идти.

– Ты, Николай, беги к участковому, его Ернуром зовут, только вчера приходил меня поздравлять с Днем Победы – напомни.

– А мы, – он выразительно посмотрел на оставшихся, – идем во второй подъезд и станем искать то, не знаем, пока, что, но не зря же этот ваш трусишка про подъезд сказал...

В считанные минуты группа «разведчиков» во главе со старым солдатом обнаружила дыру под первым пролетом лестницы первого этажа.

– Я и сам не знаю, для чего этот лаз остался незаделанным, – пояснял вмиг примчавшийся на место происшествия председатель КСК. Следом откуда-то приплелся Казбек-«предводитель».

– Ну-ка, быстро рассказывай нам, где ты... где вы в подвале разминулись? – подсказал председатель КСК внуку мягкую версию действий.

– Ну, это... короче, возле большой дыры, в которую он хотел пролезть, а мне сказал, чтобы я в другом месте прятался...

– А дверь зачем закрыл? – насутился Новиков. Он нутром почувствовал вранье.

– Пошутить хотел... – гнусаво пролепетал Казбек.

– Николай, Ернур, придется вам вновь идти в подвал!

– Конечно, ага, конечно, разберемся на месте, – согласился с ветераном старший лейтенант полиции.

Постепенно люди стали собираться рядом с подъездом, где шла «разведоперация» по реальному спасению их маленького соседа. И никто не знал, что же случилось в подвале всего лишь час назад...

* * *

– Короче, фиг они нас найдут... Смотри, видишь эту дыру?.. – спросил Петьку Казбек. – Видишь, там, в конце, светится? Этот лаз выходит под лестницу второго подъезда. Я заметил этот ход и сам через него пролазил.

Казбек наврал Петьке, не лазил он ни по какому ходу...

– Вылезешь, иди к подвалу и закрой дверь на палку, она там лежит, сантехники, когда ключи потеряли, закрывали ею. А я здесь заныкаюсь и всех накрою своей лазерной пушечкой.

Чтобы вновь не оказаться в глазах «предводителя» хиликом и душнилой – к тому же препирательство только затянуло бы время – Пашка молча направился в дыру. Про куртку он не подумал. А когда вспомнил, понял, что поздно – стирать придется однозначно.

Сначала без труда полз вперед к свету, но лаз стал сужаться и... В какой-то момент он понял, что застрял. Ползти назад не представлялось возможным – человек же не змея, чтобы задним ходом извиваться. К тому же, в самый последний момент паренек не смог выставить вперед левую руку и теперь лежал как запечатанный в кокон. Сначала страха не было. Вернее, был, но только за то, что отец с дедом не найдут его во дворе и будут сильно ругать. Он надеялся, что с минуты на минуту появится Казбек с ребятами, которые заметят его отсутствие и, как настоящие супермены, примчатся на помощь. А со всеми вместе – не страшно, что-нибудь да придумается...

Наконец Пашка закричал:

– Казбек, ты где?.. Казбек!

Звать на помощь, то есть кричать «Помогите! Помогите!», – ему было совестно – всё-таки девять лет, взрослый парень... Потом будут над ним смеяться... Даже девчонки начнут хихикать... Особенно Гульназ-Гулька... Нет, если уж и кричать, то только не «Помогите!».

...Позже, когда все жильцы их дома станут обсуждать горячую новость о «задохнувшемся, а то и утопшем в подвальных фекалиях ребенке», одна соседка расскажет:

– А я слышала, что кто-то Казбека звал. И голос как будто бы издали... издали... Ну, думаю, мальчишки играют... Если бы он кричал «помогите», я бы, конечно...

Пашка кричал и звал ребят, пока не охрип: голос становился все тише и тише и в конце концов совсем пропал, только шепотом он мог выдать из себя слова. Вот тут-то и овладела им паника:

«Меня никогда не найдут?! Да нет же! Этот гад Казбек должен сказать моим родителям, что я полез по этому лазу... А как меня отсюда вытаскивать?» Слезы потекли из глаз ручьем, нос захлюпал соплями, высморкать которые не было никакой возможности... Меж тем, и в паническом состоянии пацан не терял надежду на спасение. «Ну сморкнусь... И как тогда? Что будет, когда меня увидят всего в соплях и с опухшими от слез глазами?»

Сердце его забилось часто-часто...

Паника сменилась истерикой. Павел заревел, как ему показалось во всю мощь, но сам себя не услышал...

...Начался удушливый кашель. Павлу в какой-то миг показалось, что сейчас вместо висков в его голове появятся дырки, и сквозь них вытечет вся кровь, а, возможно, и мозги полезут наружу. Он попытался задержать дыхание, чтобы остановить приступ...

* * *

– Павлик, сынок, Павлик... Сынок, ты меня слышишь? Сынок...

Сначала он услышал голос. Потом по телу прокатилась судорога. Пашка открыл глаза. Он сразу же понял – это папа зовет его, и попытался ответить, но лишь захрипел – горло отозвалось болью.

– Павлуша, ты чего молчишь, сынок?.. Не можешь говорить – подрыгай ногами.

Пашка тут же исполнил просьбу отца.

– Живой! Дед, он живой, его надо вытаскивать из этой дыры, – вроде бы радостно, но со всхлипом возвестил Николай.

– Вперед не пойдет, хотя осталось не более метра – тут узкое место... – не теряя самообладания, четко, ровным голосом оценил ситуацию старик. – Значит, так, Коля, тяни его аккуратно за ноги...

– Деда, я не могу – руки не достают...

– А тебе и не надо орудовать двумя руками – хватит силы и в одной. Как говорится, своя ноша руки не тянет. Сними с себя всю одежду и двигайся к сыну. Правую руку вперед, левую вдоль туловища... Пашка, ты меня слышишь?

Правнук захрипел, зашипел, стал отплевываться...

– Стало быть, слышишь: как почувешь, что отец тебя к себе тащит – выдохни максимально и сколько сможешь не вдыхай. Но если вдруг почувствуешь сильную боль – бей его ногами, чтобы отпустил... Понял?

...За две попытки отцу удалось без серьезных травм вытащить застрявшего сына из лаза. Присутствующий при этом домоуправ немедленно распорядился замуровать дыру.

– Заделаете это безобразие, – обратился к нему участковый инспектор полиции, – и обязательно зайдите ко мне...

* * *

– Ну и воняет же от нас с тобой, Павлик! Влетит от матери, ой, влетит. Давай пока что куртку не станем ей показывать...

Пашка кивал головой и не верил, что все кончилось благополучно.

Подошел прадед. При всей своей разведческой выдержке он не смог сдержать эмоции и крепко сжал правнука в объятиях. Мальчишка побледнел, попытался крикнуть и затрясся в диком страхе. Ноги его подкосились...

– Дед, у него, наверное, что-то сломано, а кричать от боли он не может... – предположил отец. – Сынок, что болит?

Сын отрицательно помотал головой.

– Эээ, брат, да у тебя никак боязнь замкнутого пространства появилась... – догадался прадед. – Был у меня один сослуживец, его взрывом в окопе присыпало, крепко, целую ночь сдавленный пролежал, пока его с рассветом санитары обнаружили...

– Ну, это ничего, – то ли себя, то ли деда утешил отец, – психологи помогут...

– «Психологи»! – передразнил Павел Максимович. – Сейчас в любом кино эти самые психологи всем и каждому помогают. А вот Пашкины друзья уверяют, что людям приходят на помощь супермены, в дышло их суперы. Ты научи сына всем премудростям и сам учись выживать.

Новиков-старший обернулся на дворовую ватагу, что ожидала товарища и исхода своей игры поодаль.

– А ну-ка, подойдите ближе, супермены! Завтра соберитесь гурьбой да приходите ко мне в гости. Квартиру знаете?

Ребятишки закивали головами.

– Расскажу вам, что такое настоящая фронтовая разведка, чему и как нас учили, книжки дам почитать... А сейчас, давайте-ка – по домам... Неси, Коля, сыночка ко мне, отмывать вас буду, а то Люська твоя – баба вредная, задаст всем нам жару... Отмоетесь, потом позовем ее ко мне на День рождения, да с Победой будем поздравляться.

– Деда, насколько я помню, ты родился 22 июня, – подсказал старику внук.

– Ну да, это я оговорился. 9 мая у меня не День рождения – Именины! А Победа, она всегда со мной. Вот и сегодня мы победили. Завтра мальчишки придут, я расскажу про то, как Талгат – помнишь моего фронтового дружка? – от смерти меня спас... Ага, ты знаешь, – поднимаясь по лестнице на свой второй этаж, разговорился дед, – я тоже в трубе, что нашу и их сторону связывала, застрял. Где же это было? Вот смотри-ка, память подводит... Кажется, городишко назывался Гроссенхайн, или... Да не важно. Так вот, сижу в трубе, а они такой огонь по мне открыли: тррррр, тррррр – я чуть не оглох от гула, так пули по трубе дробь отбивали. Трубы-то у них из отличной стали сделаны...

– Да, дед, у них из стали, – иронично заметил Николай. – Наши из чего сделаны, не знаю, но то, что я увидел, называется «колхоз без урожая».

Дед тему внука не поддержал – свой рассказ взбудоражил душу – и продолжил:

– А Талгат, такой сильный, такой ловкий джигит был, на одной руке висит, в другой автомат, подтягивается, да из-за укрытия повыше как даст длинную очередь! Слышу, шмайсеры затихли, не бьют по трубе, боятся, значит, высовываться, друг мой их держит. Тут я выскочил, да кубарем к нему... Жив остался!.. Открывай дверь, заходите, мужики... Су-пер-мены...

